

Андрей ПУЧКОВ

ОЛИМПИЕЦ

Слово об архитекторе Ежове

М. М. Бахтин, философ среди филологов, подытожил: слово о мертвом стилистически глубоко отлично от слова о живом; мол, не тот ритм, не та комплиментарность. Прижизненное слово, сказанное искренне, может быть воспринято как форма подхалимажа (аспирант лебезит перед научным руководителем), посмертное слово, сказанное хоть как-то, — эдакий подхалимаж наоборот, то есть всегда правда. Наверно, мне, говорливому, просто повезло: почти четверть века (точно: 23 года) знакомства с В. И. приучили и размышлять, и писать о нем в искренних интонациях. С первой фразы, сказанной свеженазначенным заведующим кафедрой основ архитектуры по поводу каких-то студенческих протестов, — «пожалуйста, попробуйте локализовать конфликт в вашей группе», — с этой фразы стало очевидно, что новый зав, в первую очередь, *хороший человек*: не приказывает, просит. Уже профессия.

Дальше — больше. Старая максима: сделай человека начальником, и увидишь, каков он на самом деле, — подтвердила первое впечатление. Председательская железа «сосланного» в вуз главного архитектора столицы, к нашему студенческому удивлению, не выделяла щеконадувательской, «профессорской» секреции. Напротив, каждый раз ловил себя на мысли, что рядом не советский профессор перестроечного образца середины 80-х, а коллега, вместе трудящийся над курсовым проектом, *твоим* курсовым проектом: не навязывает, пришепетывая, что «так быть не может», а вступает в соразмышление, и, кажется, сам не знает, как же, собственно, «надо». Конечно, эта кажимость была кажущейся. В. И. прекрасно знал о многом: не только в профессии. Кто-то сказал об Алисе Фрейндлих, вот, мол, актриса, которая «знает про любовь всё». В. И. знал всё про человеческие отношения, про выбор форм общения, владел такими нюансными педагогическими приемами, над которыми только по прошествии времени задумываешься, и тогда охватывает: ух, надо же! Вот и вторая очередь, новый зав — *профессионал и педагог*.

Эти качества В. И. проявлялись и в делах студенческих, и в аспирантском контакте: ты понимал, что перед тобой не просто человек глубоких знаний, готовый поддержать, но порой и разгромить, да так, что камня на камне не останется (с глазу на глаз, никогда при ком-то), не просто вдвое старший тебя коллега с именем-отчеством «Валентин Иванович», а — *исторический персонаж*. Это понимание пришло в третью, последнюю очередь, и в сознании закрепилось навсегда. Ты разглядывал его как диковинное растение в оранжерее («вот ведь, смотри-ка, что Господь ниспослал!»), как литературного героя — в его трудной профессии всегда выглядеть так, как следует именно герою. С тех пор, довольно для меня ранних, событийное время жизни В. И. оказалось переставленным, сбитым с обычных служебных магистралей: речь шла о незаурядном, неповторимом человеке. «Таких в массовом числе уже не делают», — давно сказал о нем С. К. Килессо. Тогда же, в связи с Ежовым, родился парафраз: незаменимых у нас нет, но уникальные есть.

Встретив В. И., который был чужд всякого монологизма, я понял, что «пришел на готовое», на «раз и навсегда», и потому нужно вышkolить такую зоркость глаза, чтобы не пропустить мелочь, деталь: в них не только отражается человек, но и в гармоничном единстве засвечивается образ его дела. Конечно, речь идет об архитектуре.

Я понимал, что форма В. И. как исторического персонажа должна быть обоснована изнутри самого героя, герой как бы сам порождает из себя свою форму как собственное адекватное выражение. Остается быть рядом и присматриваться, создавая в сознании некий эстетический объект, некий символ, в котором есть «теплота плачущей тайны» (С. С. Аверинцев).

Архитектор-практик из меня не получился, несмотря на все старания В. И. Трудно сказать, что получилось, но то, что получилось, отчего-то привлекло В. И., и в течение пятнадцати последних лет жизни Ежова мы с ним (и моим другом Сашей Червинским) работали над выпуском ежовских сочинений.

История этого книгоиздания, с завидной ритмичностью длившаяся столь долго (и до сего дня не прекращенная), началась с библиографического указателя построек, проектов и научных трудов В. И. к его 70-летию (1997). Именно тогда, в режиме саморефлексии, В. И. написал по моей просьбе свою архитектурскую «формулу»: оригинальность (эстетика), правдивость (функция), смелость (конструкция), любовь к истории (уважение к старине, преемственность, охрана среды). Эта формула кочевала из одной книги в другую, чуть видоизменяясь, цитировалась. Ею был обведен самим В. И. тот значимый для него контур мировоззрения, без которого и ученый, и архитектор-практик мало чего могут стоить. Он прекрасно отдавал в этом отчет.

В сентябре 2001-го вступительную статью к его мемуарной книге «Полве-

ка глазами архитектора» я писал запоем. Во-первых, меня раздувало от ощущения собственной значимости (сам В. И. «очень просил» написать предисловие), во-вторых, это было предисловие, а не послесловие, в-третьих, это был В. И., о котором очень хотелось высказать доброе так, как — я знал — никто не скажет (постесняются, побоятся?). И потом заглавие: слово «полвека» завораживало. Тебе едва тридцать, а здесь человек уже так долго архитектор. К тому же, хотелось понять, зачем и для кого люди сочиняют воспоминания. У архитекторов этот процесс редок, и оттого задача раззадоривала еще более. Хотелось уяснить, какова роль архитекторских воспоминаний в системе архитектурной книги, архитектурной литературы как письменного памятника, в системе мировоззрения автора, наконец. Именно этого автора. Работать над мемуарами В. И., а затем и над второй его книгой «Эскизная графика архитектора» (2002), и над третьей, коллективной (с сыновьями), «Архитектура общественных зданий и комплексов» (2007), — было удовольствием для меня как редактора, смею надеяться, — и для В. И. Процесс создания этих книг был сплошным творчеством: какими-то быстрыми находками композиционных приемов расположения материала (и композиции текста, и собственно типографики), легкими, летучими дискуссиями на разные темы, связанными с изложением событий и фактов, постоянным желанием идти друг другу навстречу (тоже большой урок) — автор шел на поводу у редактора и макетчика, редактор и макетчик — на поводу у автора. Редкое сочетание, больше ни в каком ином «полиграфическом» общении мною не встреченное. И — никаких конфликтов, столь ожидаемых при работе над тремя томами в 30 печатных листов каждый. А где согласие — там победа (*ibi semper est victoria, ubi concordia est*). Это был гимн приятию методов работы В. И., его рассуждений, убеждений, констатаций, всегда веских и обдуманых: он был гибкой и подвижной мозговой машиной. В послесловии к «Эскизной графике архитектора» я раскрыл секрет: В. И. в беседе проговорился, что хотел бы выпустить альбомчик своих собственно проектных набросков — в подражание «Архитектурным мотивам» Г. А. Косякова (1924), а выпустил целую «эскизную графику». Но к этой мысли мы часто возвращались, и В. И. начинал что-то подбирать. Может, папка с его набросками еще отыщется. Ежов был прекрасным акварелистом (среди архитекторов его поколения мне посчастливилось узнать мастеров такого уровня еще пару раз: В. В. Савченко, Ю. Ф. Худяков, Иг. А. Фомин). Всякий честный работник делает хорошо свою работу, но В. И. делал ее лучше, чем слишком многие: у него была хорошая школа: К. Н. Елева и А. А. Шовкуненко.

Запомнилось, как после одной из встреч в почившем в Бозе НИИТИАГе (где Ежов в 1976–1981 гг. директорствовал) мы шли с В. И. по домам. Дорогой, по Владимирской, затеялся спор о принципах реконструкции современных го-

родов, «лице города» или «формуле Киева» Ю. С. Асеева, которая не столько формула в математически строгом смысле, сколько метафора в смысле вполне литературном. В. И., ухмыляясь моему молодецкому запалу, отмалчивался, а затем сказал фразу, после которой мне стало стыдно. Звучала она примерно так: «Ты вот, Андрюша, рассуждаешь о формуле Киева, о современной застройке, о том, как надо, а сам чем занят? Рассуждением! Не работой над “вышивкой” городской ткани, не архитекторским “штопаньем” дыр, нет! Рассуждением (чтобы не сказать болтовней). А на одних рассуждениях далеко не уедешь. Теоретик архитектуры важен и нужен, но только тогда, когда он одновременно практик». Я замолчал. В. И. был прав: в моем суждении о современной застройке Киева было не столько желание помочь процессу, сколько желание «себя показать». Вот и был за гордыню наказан мягкой иронией. И тогда, и тем более нынче, я благодарен Господу за то, что мог общаться с В. И. и его семьей запросто, без козыряний и низкопоклонства. Каждый знает, что такая возможность в жизни большая редкость.

Трудясь как редактор и корректор над книгами В. И., каждый раз ловил себя на мысли, что присутствую при некоем историческом акте, старался рассматривать эти книги с расстояния в пятьдесят лет, когда не останется в живых никого, кто имеет к ним отношение, когда можно будет трезво глянуть на вещи, да и — честно говоря — просил автора учитывать столь умозрительные обстоятельства. Знаете, когда с человеком живешь в одном времени и общаешься в одном пространстве, действительно редко приходит на ум афоризм про большое, что видится на расстоянии. Когда человека теряешь, этот афоризм не приходит на ум вообще. Приходит другое: понимаешь, что столбовые линии истории архитектуры, подготовившие того или иного мастера, то или иное произведение, проходят через твоего учителя. Ведь никто не видит, чем нагружен человек, по его следу: лишь след бывает то мельче, то глубже.

Уверен, что архитектуру как форму общественного бытия должны изучать графологи. Ясное дело, что архитектуроведение (в отличие от архитектурной науки) лишено возможности ставить эксперимент в той же степени и в том же значении, в каком эксперимент является орудием или методом в науках естественных. То есть архитектуроведение лишено возможности воспроизводить в лабораторных условиях те формы, которые оно постигает. В. И., однако, понимал, что «нет прямее способа нечто познать, чем попытаться воспроизвести и убедиться на собственном опыте» (Андрей Битов). И меня научил. А право на серьезное слово по-прежнему все еще надо заработать.

Слово, сказанное Ежовым, становится твоим, ты рассуждаешь, как он, подделяваясь под голос и то памятное всем откашливание, — нет, скорее, под интонацию; стремишься так же, как он, держаться и с подчиненными, и с на-

чалством. Даже почерк В. И. (у меня есть его рукописи, могу показать) — тако- го почерка у современных компьютерных людей нет. То ли это петровский полу- устав, то ли древнеримский маюскул; но так от руки мало кто нынче может. При всей современности В. И., гибкости его мышления и мироотношения, он не пользовался пишущей машинкой и компьютерной «клавой»: тексты по- рождались врукопашную, «на штабель слов пером кириллицы наколов». Хотя мобильным телефоном, глубоко за семьдесят, обустроился среди знакомых од- ним из первых. Если В. И. и был «человеком раньшего времени», то исключи- тельно как вневременной человек. В нем не было ничего от старика: склероти- ческого заедания на причастных оборотах, болтливости о бренном, жалоб на скверное правительство. Были: молодецкий задор, бодрый слог, легкость, какая-то танцевальность движений и полное забвение возраста. Немощи, как водится, подкрадывались, но дело для Ежова было настолько выше тела, что как-то даже неудивительно, что умер он на бегу, на дрожках. Суетился, да, но отнюдь не как прочие — до самозабвения, — зная, что все суется.

У В. И. было качество, редкое среди нестандартных людей: искренне радо- вался чужому успеху, даже успеху учеников, бывших студентов. Полагал: «пусть расцветают все цветы», при этом имел мужество не навязывать точку зрения; на- зидательный, начальственный тон — не про Ежова. Да и выпить был не дурак. Настоящий архитектор, труд которого принципиально коллективен как почти те- ологическая сумма индивидуальностей.

Последняя встреча с В. И. — за неделю до внезапного ухода — в квартире на Хмельницкого. В. И. договорился с Сашей Червинским о пересъемке подго- товленных иллюстраций к очередной книге («Архитектура южного жилища»), я увязался в гости хвостом: давно не виделись. Вроде причинного повода для встречи не было — рукопись не готова, чтобы браться за ее правку, — и обычный служебный цейтнот снова схватил за глотку. Пойти хотелось про- сто чтобы посидеть рядом, посмотреть, как занятые люди обсуждают дело; чтобы руку пожать. Посидел, поглядел, пожал. Уроки остались.

Чему же научил меня Ежов? Поскольку вообще учил личным примером, главный его урок: приноровись чаще чувствовать себя счастливым. И еще хоро- шо, что остались книги.

Потому что, как сказал Иосиф Бродский,

... Жизнь, которой,

как дареной вещи, не смотрят в пасть,
обнажает зубы при каждой встрече.

От всего человека нам остается часть
речи. Часть речи вообще. Часть речи.